

A romantic scene between a red-haired woman and a man in a study. The woman, with long red hair in a braid, wears a gold dress and sits on a desk. The man, in a dark suit, sits next to her, looking at her. On the desk are several small glass bottles with colored liquids. In the background, a large window shows a city with a river and a castle on a hill.

РЫЖАЯ ПРОБЛЕМА для тайной службы

— eltara_7074 —

eltara_7074 eltara_7074

Рыжая проблема для тайной службы

<https://litres.ru/74610203>

SelfPub; 2026

Аннотация

Жизнь ведьмы Агаты никогда не была скучной. Но одно дело — варить зелья в родной деревне и совсем другое — оказаться в столице, где ведьм не любят, а маги смотрят свысока. Агата бы и рада держаться подальше от местных властей, но судьба распорядилась иначе: её проклятие случайно падает на главу тайной службы Кристиана — самого невыносимого, наглого и самоуверенного мага королевства.

Теперь у них двоих одна проблема: проклятие, которое медленно убивает Кристиана, и заговор против короны, который нужно раскрыть до того, как станет слишком поздно. Вот только работать вместе — это не просто испытание. Это настоящая война. Ведьмы и маги несовместимы. Они не могут договориться даже о том, кто первым заваривает чай.

Агате предстоит выяснить, кто стоит за заговором, снять проклятие и не убить Кристиана в процессе. И всё бы ничего, но этот хам, кажется, начинает ей нравиться. А это уже совсем ни в какие ворота не лезет!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	27
Глава 3	50
Глава 4	71
Конец ознакомительного фрагмента.	95

eltara_7074

Рыжая проблема для тайной службы

Глава 1

Утро в Тихих Ключах всегда начиналось одинаково: с крика петуха, запаха свежего хлеба и чьего-нибудь несчастья.

В этот раз несчастье сидело перед моим прилавком на перевёрнутом ведре, держалось обеими руками за голову и стояло так, словно всю ночь не пил яблочную брагу, а лично сражался с болотным драконом.

— Агата, — протянул кузнец Прохор, не открывая глаз.
— Ты женщина бессердечная.

— А ты мужчина без меры, — ответила я, переставляя на прилавке бутылочки так, чтобы утреннее солнце красиво подсвечивало янтарное зелье от кашля. — Мы оба давно это знаем. Чем могу помочь?

— Голова сейчас отвалится.

— Это не голова отваливается. Это твой разум пытается сбежать туда, где его не будут топить в браге.

Прохор скривился и осторожно приоткрыл один глаз. Глаз был красный, обиженный и совершенно бесполезный.

— Дай что-нибудь.

— Что именно?

— От боли.

— Две серебрушки.

— Агата.

— Три, если продолжишь произносить моё имя тем тоном, которым обычно просят продать товар в долг.

— В прошлом месяце было полторы.

— В прошлом месяце ты не обозвал мою настойку “болотной водой с характером”.

— Так я же пошутил.

— А я тоже.

Я улыбнулась ему так ласково, как улыбаются гадюке, которая заползла в сапог соседа, а не в твой собственный. Рядом, на сложенном шерстяном платке, развалился Пряник — мой фамилляр, рыжий кот с белым пятном на груди и выражением лица старого ростовщика.

Пряник лениво распахнул один золотистый глаз, взглянул на кузнеца и зевнул.

— Даже кот согласен, — сказала я.

— Твой кот меня ненавидит.

— Он ненавидит всех. Но к тебе относится с каким-то особенным вдохновением.

Пряник поднялся, выгнул спину и демонстративно повернулся к Прохору хвостом. Это, по его мнению, было худшим из возможных проклятий.

Я достала из ящика маленькую тёмную бутылочку, завернула её в кусок бумаги и поставила перед кузнецом.

— По глотку сейчас, по глотку через час. Не запивать. Не смешивать с брагой. Не садиться верхом на лошадь.

— А если надо?

— Тогда сначала подумай, как именно ты объяснишь лошади, что она виновата в твоей глупости.

Прохор вытащил из кармана две серебряные монеты и одну медную, положил их на стол.

Я посмотрела на них. Потом на него.

— Ты хочешь умереть сегодня или всё-таки дотянуть до вечера?

— Это всё, что у меня есть.

— У тебя в сапоге ещё две медяшки. И одна прилипла к подкладке куртки.

Кузнец побледнел — насколько вообще может побледнеть человек с лицом цвета вчерашней свёклы.

— Ты что, видишь сквозь одежду?

— Я ведьма, Прохор. У нас в обучении есть отдельный предмет: “Как распознавать жадных мужчин по запаху”. Очень полезный курс.

Он пробормотал нечто не слишком лестное о моём происхождении, но достал недостающие монеты. Я сгрэбла их в ладонь, удовлетворённо кивнула и пододвинула бутылочку ближе.

— Вот теперь лечись.

— Грабительница.

— Зато профессиональная.

Кузнец выпил зелье с таким видом, будто добровольно глотал расплавленное железо. Через несколько секунд его плечи опустились, лицо перестало изображать трагедию государственного масштаба, а глаза приобрели некоторое сходство с человеческими.

— Ох, — выдохнул он.

— Живой?

— К сожалению.

— Это поправимо. У меня есть настойка для долгого сна.

Пряник тихо мяукнул. Он считал, что я недостаточно настойчива в продажах.

Торговый ряд уже просыпался. Слева старуха Марфа выкладывала на ткань пучки укропа, сушёные яблоки и подозрительно одинаковые яйца, которые, судя по выражению её лица, могла снести лично. Справа мясник Рувим ругался с молочницей из-за того, что её коза ночью снова добралась до его капусты.

Коза, белая, нахальная и, как всякая достойная представительница своего вида, совершенно не знавшая раскаяния, в этот момент жевала чужую ленту, украденную у девочки возле хлебной лавки.

Тихие Ключи были небольшой деревней на четыре улицы, две таверны, одну церковь и целую прорву людей, которым отчаянно хотелось знать, что происходит у соседей.

Здесь нельзя было чихнуть после заката, чтобы утром Марфа не спросила, чем ты лечишь лёгкие и не беременна ли случайно.

Меня это устраивало.

Не потому, что я любила, когда за мной наблюдают. Я вообще предпочитала, чтобы люди смотрели в другую сторону — особенно когда я собирала травы на кладбищенском склоне или варила что-нибудь с запахомдохлой рыбы и надежды.

Просто в Тихих Ключах я была своей.

Не любимой всеми, конечно. Ведьм в принципе редко любят все. Нас любят, когда у ребёнка жар, когда корова перестаёт давать молоко, когда муж возвращается от соседки с подозрительно счастливым лицом или когда нужно, чтобы свекровь всю неделю икала во время молитвы.

А потом начинают вспоминать, что ведьма — это ведьма. И лучше не злить.

Мне подходило. Слишком много любви быстро превращается в обязанность, а я предпочитала, чтобы у моих услуг была цена.

— Агата! — позвала Марфа через проход. — У тебя есть что-нибудь от бессонницы?

Я медленно повернула голову.

— Для тебя или для твоего зятя?

— Для меня.

— Значит, для зятя.

Марфа поджала губы.

— Он храпит.

— Он храпит уже двенадцать лет, Марфа. А бессонница у тебя началась только после того, как он решил открыть столярную мастерскую и проиграл в кости крышу от сарая.

— Не проиграл он крышу, — возмутилась она. — Почти проиграл.

— Тогда тебе нужен не сон, а настойка от беспокойства. Три медяшки.

— Две.

— Четыре.

— Ты же сказала три!

— А теперь я услышала, что ты хочешь торговаться.

Марфа посмотрела на меня с тем особым выражением, с которым люди смотрят на налогового сборщика, но всё-таки полезла за кошельком.

Я выбрала для неё пузырёк с золотистым настоем мелиссы, валерианы и щепотки сон-травы. Никакой опасной магии — Марфа была женщиной крепкой, но настойчивой. Стоило дать ей средство посильнее, и она проспала бы до жатвы, а виновата, разумеется, оказалась бы я.

— По ложке перед сном, — предупредила я. — И не вздумай подливать зятю в суп.

— А если совсем немного?

— Тогда добавь ему ещё и мяту. Чтобы не так заметно было, что ты решила отправить его в царство снов против

воли.

Пока Марфа фыркала и уходила, Пряник спрыгнул с платка, прошёлся по столу и сел возле корзины с сушёной полынью. Там лежал маленький кусочек копчёной рыбы — моя плата от рыбака Стефана за мазь от ожога.

Я щёлкнула пальцами.

— Даже не думай.

Кот посмотрел на меня. Потом на рыбу. Потом снова на меня.

В его взгляде читалась искренняя печаль существа, которое всю жизнь страдает от домашнего тирана.

— Это не твоё.

Пряник чихнул.

— Не притворяйся больным. От простуды у тебя только совесть.

Он медленно, подчёркнуто медленно протянул лапу к рыбе.

Я накрыла добычу ладонью.

— Пряник.

Кот сощурился.

— Не смей колдовать на меня, — предупредила я.

Он отвернулся с видом оскорблённого аристократа и направился к соседнему прилавку. Там торговали пирогами.

Я знала этот походный шаг. Через пять минут у пирожницы Веры исчезнет два пирожка с капустой, а виноватой окажусь, как всегда, я. Потому что, по мнению Тихих Ключей,

ведьма отвечает не только за привороты, роды и градовые тучи, но и за моральный облик собственного кота.

Впрочем, моральный облик Пряника был безнадежен с того дня, как я нашла его котёнком в канаве.

Он тогда помещался в ладони, шипел на весь мир и пытался укусить меня за палец. Я решила, что мы сработаемся.

Не ошиблась.

— Агата!

Голос принадлежал Вере и звучал так, словно пожар уже начался, но она ещё выбирала, кого обвинить первым.

Я вздохнула.

— Я сейчас.

Пряник, конечно, стоял возле её прилавка. С пирожком в зубах. Вера грозила ему полотенцем, кот смотрел на неё так спокойно, будто был приглашённым гостем, а я — всего лишь обслуживающим персоналом.

— Твой демон опять ворует, — заявила она.

— Не демон, а фамильяр. И он помогает поддерживать равновесие в торговле.

— Он съел мой пирог!

— Значит, проверил качество. Можешь написать на вывеске: “Одобрено ведьминским котом”.

— Агата!

— Хорошо, хорошо. Сколько стоит пирог?

— Две медяшки.

Я посмотрела на пирог. На Пряника. На Веру.

— Он был с капустой, — заметила я. — Одна.

— С мясом.

— Тогда две. Но ты уверена, что он с мясом? Пряник обычно распознаёт обман быстрее, чем я.

Вера поджала губы, а я сунула ей монеты. Кот, заметив это, доел пирог с такой неспешной благодарностью, будто именно он только что заключил выгодную сделку.

— Ничего, — прошептала я ему. — Вечером будешь сидеть без сливок.

Пряник громко мурлыкнул.

Мои угрозы он давно принимал за форму нежности.

К полудню рынок загудел так, как всегда гудит место, где вместе собрались торговцы, дети, лошади, сплетни и свежие новости. Какая-то девица плакала у прилавка с лентами: жёних из соседней деревни прислал записку, что “нуждается в пространстве для размышлений”. В переводе с мужского на человеческий это означало, что он сбежал с бродячей певичкой.

Староста Бренн спорил с почтальоном о налогах, будто почтальон лично придумал деньги и теперь требовал отдать ему всё до последней пуговицы. Дети носились между рядами, путая кур, собак и терпение взрослых.

Я продала две мази от суставов, одну настойку от зубной боли, четыре оберега для дома и подозрительно много приворотных саше.

— Неужели у нас снова весна? — пробормотала я, пере-

считывая монеты.

— До весны ещё три месяца, — сказала Марфа, вернувшаяся за сушёной мятой.

— Тогда, может, мужчины в деревне внезапно стали ещё хуже.

— Это невозможно.

— Ты просто недооцениваешь их талант.

Ко мне подошёл молодой парень в чистой рубаше, с волосами, прилизанными так старательно, что казалось, будто его голова попала под заклинание против непослушных прядей.

Я знала его. Лёнка, младший сын мельника. Хороший мальчишка, только влюблённый уже третий год в дочку пасечника, которая замечала его примерно так же часто, как новый месяц на небе.

— Агата, — начал он и тут же покраснел. — У тебя есть... ну... такое.

— Есть почти всё, — сказала я. — Кроме терпения и желания выслушивать расплывчатые просьбы.

Лёнка помялся.

— Чтобы она посмотрела.

— Кто?

Он покраснел ещё сильнее.

— Милана.

— А, это. Есть. Но тебе не понравится.

— Почему?

Я достала с полки маленький свёрток с сухими лепестка-

ми.

— Потому что лучший способ, чтобы девушка посмотрела на тебя, — подойти и поговорить с ней. Без зелья, без лунной росы, без танцев вокруг старой груши. Просто открыть рот и произнести слова.

— А если она откажет?

— Тогда будет больно. Но ты выживешь. По крайней мере, я ещё не видела, чтобы кто-то умер от честного ответа.

Лёнка уставился на свёрток.

— А всё-таки... может, есть что-нибудь?

— Есть, — я убрала лепестки обратно. — Настойка храбрости. Одна серебрушка.

— Так дорого?

— Это потому, что храбрость — редкий ингредиент. Особенно у тех, кому она нужна.

Он вздохнул, положил монету на прилавок и взял бутылочку.

— По две капли перед разговором, — сказала я. — Не больше. Иначе решишь признаться в любви не Милане, а её отцу. А он человек серьёзный, с топором.

Лёнка кивнул и ушёл, прижимая настойку к груди. Я проводила его взглядом и почувствовала знакомое щемящее чувство — что-то среднее между жалостью и воспоминанием.

В двадцать пять я уже достаточно знала о людях, чтобы понимать: никакое зелье не делает тебя любимой.

Оно может притупить страх. Может разжечь желание. Может заставить сердце биться быстрее, а голову — медленнее. Но любовь, если уж ей вздумается прийти, никогда не спрашивает разрешения у ведьмы и не платит за вход.

Впрочем, мне было проще продавать настойки, чем объяснять это каждому второму юнцу с отчаянными глазами.

— Агата!

Я уже хотела ответить, что если это снова Вера с пирогами, то Пряник временно будет жить у неё, но голос оказался знакомым настолько, что рука сама потянулась к оберегу на шее.

Аделаида никогда не звала меня просто так.

Она шла по рынку, опираясь на свою узловатую палку, и толпа расступалась перед ней быстрее, чем перед телегой с навозом. Моя бабка была невысокой, сухой, седой и настолько прямой в спине, что любой местный солдат рядом с ней казался ленивой макарониной.

На ней было серое платье, поверх — тёмная шерстяная накидка, а в волосы вплетена синяя лента. Ленту она носила в дни, когда была особенно раздражена.

Сегодня лента была.

Значит, миру стоило приготовиться.

— Ты уже продала Прохору средство от похмелья? — спросила она вместо приветствия.

— Продала.

— За сколько?

— Три серебрушки и две медяшки.

Бабка кивнула одобрительно.

— Всё-таки я тебя правильно воспитала.

— Ты учила меня не отравить его.

— Я учила тебя не травить бесплатно. Это разные вещи.

Она остановилась у моего прилавка, бросила хмурый взгляд на Пряника, который успел вернуться и теперь сидел на корзине с мятой.

— А этот рыжий вор опять ел чужое?

Пряник медленно моргнул.

— Он не вор, — сказала я. — Он добытчик.

— Тогда пусть добывает себе мышей, а не пироги.

— Я ему это говорю каждую неделю.

— Плохо говоришь.

Бабка сунула руку в складки накидки и достала письмо.

Нет, сначала мне показалось, что это письмо.

Потом я увидела плотную белую бумагу, слишком хорошую для деревенской почты, ровный край, чёрный сургуч и незнакомый знак на печати: серебряный ключ, перечёркнутый тонкой молнией.

Пряник перестал умываться.

Мне это не понравилось.

Коты не перестают умываться без причины. Особенно Пряник. Если бы его обвинили в предательстве короны, он сперва закончил бы вылизывать лапу, а уже потом решал, стоит ли кусать обвинителя.

— Что это? — спросила я.

Аделаида не ответила сразу. Она смотрела на печать так, словно та могла укусить.

— Принёс королевский курьер, — наконец сказала она. — Прямо к дому. На коне, в форме и с лицом человека, которому давно не давали спать.

— Это не объясняет, что внутри.

— Я ведьма, Агата, а не бесстыжая соседка. Чужие письма не читаю.

Я приподняла бровь.

— Ты?

— Когда они запечатаны магической печатью, — уточнила она без малейшего смущения. — Неужели я похожа на дуру?

Вопрос был риторическим. Бабка могла вскрыть любое письмо, не оставив следа, вытащить правду из самого упорного лжеца и заставить меня в шесть лет выучить все виды ядовитых грибов одним только выражением лица. Она не была душой.

И если она не вскрыла конверт, значит, печать действительно была серьёзной.

Я взяла письмо. Бумага оказалась холодной. Не просто прохладной от утреннего воздуха — холодной, как вода в ключе ранней весной.

Печать кольнула ладонь едва заметным магическим разрядом.

Я поморщилась.

— Защита.

— Я заметила, — сухо сказала бабка. — Ты ещё не открыла?

— А если там проклятие?

— Тогда откроем вон там, у лавки мясника. Рувим всё равно давно не ходит в церковь.

— Бабушка.

— Что? Он нечестно взвешивает колбасу.

Она огляделась. Любопытные взгляды уже начали тянуться к нам со всех сторон, как мухи к варенью. Марфа даже перестала делать вид, что выбирает укроп, и открыто прислушивалась.

Я почувствовала, как раздражение поднимается во мне пузырьками, как в слишком долго стоявшем отваре.

— Пряник, — позвала я.

Кот спрыгнул с корзины и подошёл к моим ногам. Я коснулась конверта двумя пальцами, шепнула короткое слово, и вокруг прилавка дрогнула тонкая невидимая завеса. Не защита — всего лишь полог тишины. Тот, кто стоял рядом, теперь услышал бы только шелест бумаги и очень подозрительное мяуканье.

Марфа тут же отвернулась с видом глубоко оскорблённого человека.

— Ненавижу, когда ты так делаешь, — сказала бабка.

— А я ненавижу, когда ты приносишь мне королевские

письма в самый разгар торговли.

— Ты бы предпочла, чтобы курьер прибил его к двери?

— Если письмо окажется плохим, я предпочту, чтобы он прибил к двери себя.

Я ещё раз посмотрела на печать.

Серебряный ключ. Молния.

Ничего знакомого.

И оттого тревожного.

Я провела ногтем по краю сургуча. Он не поддался. Тогда я вздохнула, достала из кармана иглу с костяной головкой и уколола палец.

Капля крови упала на печать.

Сургуч вспыхнул бледно-синим, расплавился без огня и стек по бумаге тонкой струйкой. Воздух пахнул железом, зимней травой и чем-то чужим — дорогами, камнем, дождём на мостовой.

Столицей.

Я не бывала в Эвергейте с тех пор, как мне исполнилось семнадцать. И не собиралась туда возвращаться. Город был слишком большим, слишком шумным, слишком уверенным в том, что у каждого человека есть цена, место и ярлык, который нельзя отклеить.

Для ведьм там обычно находилась отдельная полка. Где-то рядом с прочими неудобными вещами: старыми законами, бедными родственниками и правдой.

Я развернула лист.

Строчки были выведены чётким, ровным почерком. Писал человек, который любил порядок и, вероятно, считал, что одна клякса способна разрушить цивилизацию.

Ведьме Агате Аделаиде Рейвен,
зарегистрированной практикующей травнице Тихих Ключей,

предписывается прибыть в город Эвергейт в срок не позднее семи дней с момента получения сего уведомления.

Я прочла первую строчку ещё раз.

Потом медленнее.

Потом посмотрела на бабу.

— Почему они называли меня полным именем?

— Потому что хотят тебя напугать, — ответила она. — Или потому что у них очень много чернил.

Я продолжила читать.

Прибыть надлежит для содействия коронной службе в расследовании дела о неустановленной ведьме и незаконном применении магии, повлёкшем угрозу безопасности короны.

Слова не менялись, сколько бы я ни моргала.

Неустановленная ведьма.

Угроза безопасности короны.

Как будто это могло иметь хоть какое-то отношение к Тихим Ключам, где самым серьёзным преступлением месяца было то, что староста тайком разбавлял пиво водой.

Внизу стояла подпись, настолько размашистая, что разобрать её я не смогла.

Зато под ней снова темнела печать — та самая: серебряный ключ, пересечённый молнией.

Я почувствовала неприятный холод между лопаток.

— И что? — спросила бабка.

— Меня вызывают в Эвергейт.

— Это я поняла. Я ещё читать не разучилась.

— “Для содействия коронной службе”.

— Тоже понятно.

— “По делу о неустановленной ведьме”.

Аделаида замолчала.

Это было редкостью. В детстве я однажды видела, как бабка молчала почти целую минуту, когда узнала, что я случайно отдала её лучший сушёный мухомор пастуху, потому что решила, что это приправа к супу.

Тогда она молчала от ужаса.

Сейчас — от чего-то другого.

— У тебя есть враги в столице? — наконец спросила она.

Я фыркнула.

— В столице я никого не знаю.

— Это не ответ.

Я опустила письмо.

Конечно, это было не ответом.

Потому что Эвергейт я помнила слишком хорошо. Белые шпили академии, гладкие каменные улицы, магов в тёмных плащах, которые смотрели на ведьминскую силу так, как чистоплотные люди смотрят на грязь под ногтями.

И ещё — один голос. Холодный, снисходительный, произнёсший много лет назад, что моя магия “не имеет академической ценности”.

Я не помнила лица его владельца. Только голос.

Наверное, так и рождаются самые стойкие проклятия: не из ненависти, а из унижения, которому слишком долго не давали имени.

— Есть, — призналась я. — Но я думала, что они давно забыли.

— Люди никогда не забывают того, кто заставил их почувствовать себя глупыми, — сказала Аделаида. — Даже если им было шестнадцать и они сами полезли к тебе с оскорблениями.

— Я всего лишь превратила его волосы в крапиву.

— На три дня.

— На два с половиной.

— На три, Агата. Я проверяла.

Пряник тёрся о мою лодыжку, и от этого простого, тёплого прикосновения стало немного легче. Я сложила письмо. Бумага снова казалась холодной, будто город Эвергейт уже протянул через многие мили свою каменную руку и взял меня за запястье.

— Я никуда не поеду, — сказала я.

Бабка прищурилась.

— Прочти дальше.

Я не хотела.

Именно поэтому прочла.

В случае неявки вышеуказанная практикующая лишается права на ведение ведьминской деятельности, торговлю зельями, применение зарегистрированной магии и пользование покровительством короны до особого распоряжения.

Я медленно подняла глаза.

На моём прилавке ровными рядами стояли пузырьки с настойками, баночки с мазями, мешочки с сушёными травами и амулеты, которые я делала по ночам, когда не могла уснуть. Здесь была моя работа. Моя свобода. Моя возможность жить без чужих приказов.

Ведьма без права на практику — это не ведьма.

Это женщина, которую деревня всё ещё боится, но уже не обязана платить ей за работу.

— Они не могут, — тихо сказала я.

— Могут, — ответила Аделаида. — Если письмо настоящее.

— А оно настоящее?

Бабка взяла конверт, понюхала сургуч, провела пальцем над печатью и нахмурилась ещё сильнее.

— Магия старая. Сильная. Государственная, будь она неладна.

Я сглотнула.

На другом конце рынка Прохор уже громко рассказывал кому-то, что именно он первым понял: моя настойка работает лучше церковных молитв. Вера вынимала из печи свежие

пирог. Дети смеялись у фонтана, где вода била из каменного рта старой рыбы.

Тихие Ключи жили своей обычной, тёплой, раздражающе уютной жизнью.

А мне предлагали оставить всё это ради города, который однажды уже объяснил, что я ему не подхожу.

Пряник вдруг сел прямо на письмо и прижал его лапой.

— Вот видишь, — сказала я бабке. — Даже он против.

— Пряник против всего, что нельзя съесть.

— В этом вопросе он удивительно проницателен.

Аделаида смотрела на меня долго и внимательно.

— Поедешь, — сказала она наконец.

— Нет.

— Поедешь.

— Бабушка, я не маленькая.

— Именно поэтому ты поедешь и разберёшься, чего от тебя хочет столица. Пока эти господа не решили, что могут распоряжаться твоей жизнью из-за красивой печати.

Я сжала губы.

Она была права. Это раздражало почти так же сильно, как само письмо.

— Семь дней, — произнесла я.

— Семь дней.

— Я ненавижу Эвергейт.

— Взаимно, наверное.

— Я ненавижу коронные службы.

— Пока не знаем, кто именно тебя вызывает.

Я подняла письмо и снова посмотрела на знак: ключ и молния.

— А это что?

Бабка медленно покачала головой.

— Не знаю.

Ветер прошёл между торговыми рядами, шевельнул ленты на прилавках, поднял пыль с дороги. На мгновение мне показалось, что серебряный ключ на печати блеснул сам по себе.

Пряник зашипел.

Совсем тихо.

Я никогда не видела, чтобы он шипел на бумагу.

— Что бы это ни значило, — сказала Аделаида, — ты не поедешь одна.

— Ты поедешь со мной?

— Не дождёшься. Кто-то должен остаться здесь и следить, чтобы Прохор не пытался лечить похмелье кузнечным маслом.

— Тогда кто?

Бабка улыбнулась. Очень нехорошо.

— Ты возьмёшь Пряника.

Кот посмотрел на неё с подозрением.

— Вот ещё, — сказала я. — Он в дороге съест обоз.

— Тогда обоз будет знать, с кем связался.

Я хотела возразить. Хотела смять письмо, бросить его в

котёл с крапивой, спрятаться в доме и объявить, что меня нет даже для самой короны.

Но под пальцами холодела бумага, а внизу темнела печать неизвестной службы.

Серебряный ключ.

Тонкая молния.

И обещание того, что в Эвергейте меня ждёт нечто гораздо хуже, чем воспоминания.

Я подхватила Пряника на руки. Он недовольно мяукнул, но не вырвался.

— Ладно, — сказала я, скорее себе, чем бабке. — Посмотрим, какая ведьма им там понадобилась.

Пряник чихнул мне в подбородок.

С рынка донёсся голос Прохора:

— Агата! А у тебя есть что-нибудь от бессонницы?

Я закрыла глаза.

— Есть, — крикнула я. — Называется “не пить всю ночь, как безмозглый тролль”!

Тихие Ключи засмеялись.

А письмо в моей руке осталось холодным.

Глава 2

Собираться в дорогу я не любила по трём причинам.

Во-первых, вещи никогда не помещались в сумку, даже если вещей было всего две: платье и убеждённость, что всё будет хорошо.

Во-вторых, Пряник считал любую открытую дорожную корзину личным приглашением лечь внутрь, занять всё свободное пространство и смотреть на меня так, словно это я мешаю ему путешествовать с комфортом.

И в-третьих, всякий раз, когда человек собирается уехать из дома, внезапно выясняется, что у него есть слишком много причин остаться.

У меня их набралось особенно много.

Утро после письма началось с дождя. Серого, мелкого, липкого — такого, который не льёт по-настоящему, а просто висит в воздухе, заставляя мир пахнуть мокрой землёй, дымом и обидой.

Я стояла посреди своей комнаты, смотрела на раскрытую сумку на кровати и пыталась решить, что важнее: запас чистых рубаш или котёл для варки настоек.

Котёл занимал половину сумки.

Рубахи — вторую половину.

Пряник занимал котёл.

— Слезь, — сказала я.

Кот не пошевелился.

— Пряник.

Он медленно открыл один глаз.

— Я серьёзно.

Пряник зевнул, вытянул передние лапы и устроился ещё удобнее. Котёл тихо скрипнул, будто тоже начал сомневаться в своём будущем.

— Это не кровать.

Пряник закрыл глаз.

— И не трон.

Кот издал короткое, недовольное “мрр”.

— Да, понимаю. Мир жесток к талантам.

Я поставила руки в боки. В ответ он перевернулся на спину, выставил рыжий живот и притворился мёртвым.

Проклясть его, конечно, было можно.

Но это было бы бессмысленно. Пряник и без магии умел превращать любое утро в испытание характера.

— Агата! — донёсся снизу голос бабки. — Если ты опять разговариваешь с котом, то спускайся. Если с мебелью — тоже спускайся, но я начну волноваться.

— Я занята!

— Ты три часа выбираешь, сколько банок с полынью взять в столицу!

— Полынь — основа цивилизации!

— Тогда столица как-нибудь переживёт без неё!

Я вытащила из-под кровати второй мешок и принялась

складывать туда то, без чего, по моему мнению, нельзя было прожить даже пару недель вдали от дома.

Сушёный зверобой — от ран и дурного настроения. Пакетик с толчёной корой ивы — от жара. Два пузырька с настойкой от похмелья — потому что Эвергейт, наверное, был столицей, но мужчины там наверняка пили не умнее наших. Баночка мази от ожогов. Иглы. Соль. Мел. Кусочек янтаря. Лавровые листья. Три разных вида оберегов. Нож с рукоятью из рябины.

И мешочек с сушёными мухоморами.

Я долго смотрела на него.

В столице я не собиралась никого травить.

Наверное.

Но Аделаида всегда говорила, что хороший человек берёт в дорогу хлеб, нож и возможность передумать насчёт хорошеи.

Мухоморы отправились в сумку.

Снаружи хрипло каркнула ворона. Пряник, который до этого был мёртвым, немедленно воскрес, спрыгнул с котла и уставился в окно.

— Даже не мечтай, — сказала я. — Ты едешь со мной.

Он медленно повернул ко мне голову.

В его золотых глазах читалось всё: предательство, возмущение и намерение отомстить мне самым страшным образом — испортить дорогу, багаж и настроение одновременно.

— Не смотри так. Ты сам слышал бабушку.

Пряник посмотрел в сторону двери.

— Нет, к ней жаловаться не надо. Она как раз поддержит меня.

Кот обиженно сел и начал вылизывать хвост.

Я вздохнула и оглядела комнату.

Здесь было мало красивого в столичном понимании: потемневшие балки под потолком, неровные стены, печь с трещиной у основания, стол у окна, заставленный сушёными травами и ступками. На полках — банки с кореньями, листьями и порошками, подписанные моим почерком. Одни аккуратно. Другие — так, словно я писала названия во время землетрясения.

На подоконнике стоял горшок с сон-травой. У окна висел ловец дурных снов, сплетённый мной ещё в четырнадцать лет. Он получился кривым, но работал исправно: ловил кошмары и почему-то мух.

Я провела ладонью по спинке стула.

Глупо, наверное, так прощаться с домом, когда уезжаешь на несколько дней или недель. Я не собиралась навсегда. Не собиралась бросать Тихие Ключи, бабу, лавку, сад с полынью и старую яблоню, в ветках которой каждую осень застревали чужие воздушные змеи.

Но письма из столицы редко заканчивались тем, что ведьма приезжала, вежливо объясняла всем, что они идиоты, и возвращалась к своим делам.

Хотя именно такой план я и собиралась осуществить.

— Агата! — снова крикнула Аделаида.

— Иду!

Я подняла сумку. Она не сдвинулась.

Вернее, сдвинулась на палец, после чего мой позвоночник высказал мнение, что я совершенно не ценю годы, которые он мне служил.

— Зря смеёшься, — сказала я Прянику, хотя он не смеялся. — Там вещи первой необходимости.

Кот посмотрел на сумку.

— Нет, ты не можешь остаться вместо вещей.

Он моргнул.

— И котёл тоже едет.

Пряник глухо рыкнул. Это был почти человеческий звук. Будь у него руки, он бы написал жалобу в коронную службу.

Снизу пахло кашей, жареными яблоками и шалфеем. Баба уже накрыла стол, хотя обычно считала завтрак слабостью характера и соглашалась на него лишь потому, что “голодная ведьма становится слишком доброй, а это подозрительно”.

Она сидела во главе стола, перебирала сушёные листья мяты и делала вид, что просто занята. Но я заметила: чашка с чаем перед ней давно остыла.

— Наконец-то, — сказала она, не поднимая глаз. — Я уж думала, ты решила взять с собой весь дом.

— Дом не влез в сумку.

— А если бы влез?

— Я бы подумала.

Аделаида хмыкнула и пододвинула ко мне миску.

— Ешь.

— Не хочу.

— Тем более ешь.

Я села напротив. Пряник устроился рядом на лавке, положил лапы на край стола и посмотрел на кашу с искренним отвращением. Он был убеждён, что любые крупы существуют исключительно для того, чтобы портить жизнь котам.

— Ему не давай, — предупредила бабка.

— Я знаю.

— В прошлый раз ты дала.

— В прошлый раз он смотрел так, будто я лишаю его наследства.

— Он и есть твоё наследство. В виде наказания.

Пряник обиженно чихнул.

Я взяла ложку, заставила себя проглотить немного каши. На вкус она была нормальной. Даже хорошей. В этом и была проблема: всё вокруг вдруг стало невыносимо домашним.

За окном дождь стучал по крыше. Вдалеке блеяла коза. В доме потрескивали поленья. Бабка ворчала на Пряника, а он делал вид, что не понимает языка людей.

Мне хотелось отменить столицу так же просто, как отменяют поход на рынок: сказать, что дождь, работа, голова болит, и вообще пусть сами разбираются со своими неустановленными ведьмами.

Но письмо лежало у края стола. Даже сложенное вчетверо,

оно умудрялось занимать больше места, чем весь завтрак.

— Курьер ждёт? — спросила я.

— Нет. Он уехал вчера. Сказал, что ты должна добираться сама.

— Как любезно.

— Он ещё сказал, что на западном тракте есть почтовый обоз до Эвергейта. Выходит к полудню.

— Значит, у меня есть время передумать.

— Нет, — спокойно сказала бабка. — У тебя есть время собрать волосы, надеть плащ и перестать надеяться, что приказ исчезнет, если на него достаточно долго смотреть.

— А если я его сожгу?

— Тогда придёт второй. Уже с людьми, которым понравится ломать тебе дверь.

Я поморщилась.

— Ты всегда умеешь поддержать.

— Я не поддерживаю. Я подготавливаю.

Она поднялась, подошла к буфету и достала оттуда небольшой деревянный ящик. Я знала этот ящик с детства. Он стоял на самой верхней полке, куда мне запрещали лазить, а значит, конечно, я лазила.

Внутри бабка хранила вещи, о которых никогда не рассказывала: пожелтевшие письма, чёрные свечи, кусок ткани с вышитыми знаками, костяной гребень, который нельзя было трогать, и одну маленькую серебряную коробочку.

Сейчас она поставила ящик на стол и открыла крышку.

— Вот, — сказала она.

Внутри лежал амулет.

Небольшой круглый медальон из тёмного металла, почти чёрного, с тонкой серебряной оправой. На лицевой стороне был вырезан знак — ветка с тремя шипами, обвивающая полумесяц. С обратной — незнакомые мне руны.

Я протянула руку, но не коснулась.

— Что это?

— Амулет.

— Спасибо, бабушка. Я догадалась.

— Тогда зачем спрашиваешь?

— Что он делает?

Аделаида смотрела на медальон так, словно видела в нём не кусок металла, а давно закрытую дверь.

— Однажды может спасти тебе жизнь.

— Очень обнадёживает.

— Не перебивай. Его нельзя показывать никому. Не отдавать. Не снимать без крайней нужды.

— А какая нужда крайняя?

— Когда поймёшь — тогда и будет.

Я подняла брови.

— Это твой знаменитый мудрый совет?

— Это мой знаменитый совет для внучки, которая умеет сунуть нос туда, где его могут откусить.

— Я не виновата, что мир интересный.

— Мир не интересный. Мир голодный. И особенно лю-

бит молодых ведьм, которые думают, будто сарказм — это защита.

Я хотела ответить привычной колкостью, но слова почему-то не пришли.

Бабка редко говорила мягко. Ещё реже — серьёзно.

Я взяла амулет.

Он оказался тёплым.

Теплее, чем должен быть металл, который лежал в закрытом ящике. По ладони пробежала лёгкая дрожь, а руны на обратной стороне едва заметно вспыхнули зелёным.

Пряник поднял голову и тихо фыркнул.

— Он магический?

— Нет, я просто люблю таскать по дому тяжёлые безделушки, — буркнула бабка. — Конечно, магический.

— Какой магией?

— Ведьминской.

— Это я тоже вижу.

— Тогда носи и не задавай глупых вопросов.

Я перевернула медальон. На боку нашлась маленькая защёлка. Я нажала на неё — внутри оказалось крошечное углубление, куда можно было положить щепотку травы, каплю крови или что-нибудь ещё, если очень хотелось испортить себе день.

— Он старый, — сказала я.

— Старше, чем выглядит.

— Это не ответ.

— Многое из полезного не обязано быть ответом.

Я посмотрела на бабу. Она уже закрывала ящик, ясно давая понять: разговор окончен.

Я знала этот взгляд. Давить бесполезно. Если Аделаида решила хранить тайну, проще было разговорить корень мандрагоры.

— Ладно, — сказала я и надела амулет.

Цепочка легла на шею тяжело, но не неприятно. Медальон скользнул под ворот рубахи и коснулся кожи. На секунду мне показалось, что он дрогнул, словно живой.

Или это дрогнула я.

— Теперь слушай, — сказала бабу, возвращаясь на своё место. — В столице не колдуй по привычке. Не спорь с каждым вторым магом. Не пей вино, которое тебе наливают незнакомцы. Не верь любезным мужчинам. Особенно красивым.

— Почему именно красивым?

— Потому что у некрасивых хотя бы есть совесть.

— Бабушка.

— Я серьёзно. И не говори всем подряд, откуда ты. Там любят спрашивать. А ещё больше любят использовать ответы.

Я отломила кусочек хлеба.

— Ты была в Эвергейте?

Вопрос вырвался сам.

Аделаида на миг застыла. Всего на миг — но я заметила.

— Была, — сказала она.

— И?

— И это город, который строили люди, считающие, что камень важнее земли. Не задерживайся там дольше нужного.

— Почему ты никогда не рассказывала?

— Потому что у тебя было достаточно дел здесь.

— А теперь?

Бабка посмотрела на письмо.

— А теперь, кажется, дела сами пришли за тобой.

В комнате стало тихо.

Даже Пряник перестал облизывать лапу.

Я допила чай. Он успел остыть, но всё равно обжёг горло.

— Хорошо, — сказала я. — Поеду. Посмотрю, что им надо. Докажу, что к их неуставленной ведьме я отношения не имею. Вернусь до первых морозов.

— Первые морозы через месяц.

— Вот видишь. Отличный срок.

— Агата.

— Что?

— Не обещай того, чего не можешь контролировать.

Я отвела взгляд.

Ведьмы не любят признавать, что не контролируют многое. Люди, погоду, чувства, чужую злость, королевские службы. Иногда даже собственную жизнь.

Но в письме было слишком много неизвестного. И оттого оно пахло не просто проблемами.

Бедой.

К полудню дождь почти закончился. Остались мокрые крыши, тяжёлые капли на ветках и грязь, которая решила, что теперь имеет право жить на каждом сапоге.

Я надела тёмное дорожное платье, плотные чулки, высокие ботинки и шерстяной плащ с капюшоном. Волосы заплела в косу и перевязала лентой. Сумка висела через плечо, второй мешок я взяла в руку, а котёл — после пятиминутной битвы с собственной совестью — оставила дома.

Это было разумно.

Это было больно.

Это было правильно.

Пряник сидел в дорожной корзине. То есть я посадила его в корзину. Через полминуты он выбрался. Я посадила снова. Он вылез опять, посмотрел на меня с презрением и устроился на моём плече.

— Нет, — сказала я.

Кот не пошевелился.

— Ты вешишь как мокрый мешок с картошкой.

Пряник ткнулся носом мне в шею.

— Это не аргумент.

Он замурлыкал.

Я сдалась.

Так происходило всегда.

На улице у калитки уже ждали люди. Не весь посёлок — хотя, судя по количеству лиц, половина Тихих Ключей опре-

делённо решила, что мой отъезд важнее их собственных дел.

Прохор стоял, прислонившись к забору, в чистой рубахе и без следов вчерашней трагедии.

Марфа держала корзинку с пирогами.

Вера — тоже, но смотрела исключительно на Пряника, который при виде выпечки оживился так, будто до этого всю неделю голодал в лесу.

Лёнка переминался с ноги на ногу, а рядом с ним стояла Милана. Они оба краснели и старательно не смотрели друг на друга. В моей груди шевельнулась тихая гордость.

Похоже, настойка храбрости сработала.

Или Лёнка просто понял, что пасечник с топором — не самая страшная вещь в мире.

Самым страшным обычно была неопределённость.

— Это что, проводы? — спросила я.

— А ты надеялась уйти незаметно? — фыркнула Марфа.
— После того как коронный курьер к вам приехал? Да вся деревня уже знает.

— Конечно знает.

— Мы даже спорили, зачем тебя вызывают.

Я медленно повернула голову.

— И?

Прохор кашлянул в кулак.

— Я говорил — лечить королеву от мигрени.

— А я — что тебя хотят выдать замуж за столичного мага,
— сообщила Марфа.

— Очень смешно.

— Я поставила две медяшки, — добавила она. — Не подведи.

— А я сказал, что ты отравила какого-то важного человека, — признался кузнец.

— Спасибо, Прохор. Твоя вера в меня согревает.

— Так я же не со зла. Просто ты умеешь.

— Умею, — согласилась я. — Но пока не делаю. Береги эту тонкую грань.

Вера сунула мне корзинку.

— В дорогу. Пироги с мясом.

Я посмотрела на Пряника.

— Он слышал.

— Я завернула их так, что не доберётся.

Пряник издал тихий, оскорблённый звук.

— Не сомневайся в нём, — сказала я. — Он откроет свёрток, если понадобится, взглядом.

Прохор неловко протянул мне маленький железный талисман — грубо вырезанный лист рябины.

— Сам сделал, — пробормотал он. — Не магический, конечно. Но... на удачу.

Я взяла талисман. Металл был тёплым от его ладони.

— Спасибо.

Кузнец пожал плечами.

— Ты там не давай им себя обижать.

— Не дам.

— И если кто будет сильно умничать, скажи. Я приеду.

Я оглядела его широкие плечи, огромные руки и слегка виноватое лицо.

— Ты до столицы неделю будешь ехать.

— Ну так я не быстро. Зато с молотом.

Я улыбнулась.

— Это, пожалуй, самое трогательное, что ты когда-либо говорил.

— Никому не рассказывай. Репутацию испортишь.

Лёнка подошёл следом. Милана держалась чуть позади, но уже не пряталась за его плечом.

— Я... — начал он и снова запнулся. — Спасибо.

— За настойку?

— Нет. За то, что сказала правду.

— Правда — дешевле приворота. Поэтому я её и продаю редко.

Он смущённо улыбнулся. Милана бросила на него быстрый взгляд, от которого Лёнка чуть не выронил собственную шапку.

Я решила не мешать.

— Береги себя, Агата, — сказала Марфа уже тише. — Столица — это не наши Ключи.

— В этом и проблема.

— Там люди другие.

— Люди везде одинаковые, — отозвалась Аделаида из-за моей спины. — Просто в больших городах у них больше

одежды и меньше стыда.

Марфа одобрительно кивнула.

Бабка вышла к калитке. Она не плакала — Аделаида скорее согласилась бы добровольно выпить собственное слабительное, чем разрыдаться при свидетелях. Но её пальцы сжимали край накидки так сильно, что побелели костяшки.

Я вдруг почувствовала себя маленькой. Как будто мне снова семь, я ободрала коленку и стою перед ней, ожидая, что меня отругают за глупость, а потом всё равно посадят у печки и дадут тёплого молока с мёдом.

— Ну? — сказала она. — Что застыла? Обоз ждать не будет.

— Я вернусь.

— Конечно вернёшься, — буркнула бабка. — Кто ещё будет травить мне чай неправильно подобранными травами?

— Я не травлю тебе чай.

— Ты кладёшь туда мяту.

— Потому что она полезная.

— Потому что ты издеваешься.

Я обняла её.

Она замерла, словно не ожидала. Потом крепко — слишком крепко для своих сухих рук — обняла меня в ответ.

— Не геройствуй, — прошептала она мне в волосы. — Герои обычно плохо заканчивают.

— А я не герой.

— Вот и хорошо. Будь ведьмой. Ведьмы выживают.

Я кивнула, хотя в горле стоял ком, неприятный и упрямый.

Когда я отстранилась, бабка поправила ворот моего плаща и коснулась пальцами того места, где под тканью лежал амулет.

— Если станет совсем плохо — открой его.

— А как я пойму?

— Поймёшь.

— Очень информативно.

— Иди уже.

Она подтолкнула меня к дороге так решительно, что я едва не наступила Прянику на хвост.

Кот возмущённо заорал.

— Прости.

Он посмотрел на меня так, будто не простит никогда.

Мы вышли из Тихих Ключей, когда колокольня пробила полдень.

Дорога к почтовому тракту начиналась за старой мельницей, шла вдоль лугов, мимо кривой берёзовой рощи и уходила в низины, где между холмами лежал туман. В грязи вязли ботинки, на траве дрожали капли дождя, а с веток то и дело срывалась вода.

Пряник первые десять минут ехал у меня на плече. Потом решил, что это недостаточно удобно, и перебрался в корзину. Потом понял, что корзина тоже не соответствует его представлениям о достойной жизни, и полез в сумку.

Я позволила.

Пусть ищет. Там лежали сушёные мухоморы. В конце концов, у каждого должны быть последствия за собственное любопытство.

На повороте у старого дуба меня догнала телега.

Почтовый обоз оказался куда скромнее, чем я ожидала: две крытые повозки, запряжённые крепкими серыми лошадьми, и одна открытая телега для тех, кто не мог заплатить за место под крышей. На боках повозок были выжжены коронные знаки — золотая корона над перекрещёнными ключами.

И снова ключи.

Я не стала придавать этому значения. Корона вообще любила ключи, замки, печати и прочие предметы, которыми удобно объяснять людям, что без разрешения им лучше никуда не лезть.

Возле первой повозки стоял возница — худой мужчина в промокшей шляпе. Он посмотрел на меня, на сумки, на Пряника, который высунул голову из-за моего локтя, и устало спросил:

— В Эвергейт?

— Если это именно тот обоз, который едет в Эвергейт, — ответила я.

— Он самый.

— Тогда да.

— Место под крышей — пять серебряных. На открытой

телеге — две.

— За пять серебряных вы обещаете, что крыша не протекает?

Он помолчал.

— Почти не протекает.

— За четыре.

— Пять.

— Четыре и мазь от ревматизма.

Возница посмотрел на мои руки.

— Ведьма?

— Травница.

— А разница?

— Травница берёт деньги заранее. Ведьма — после того, как ты откажешься платить.

Он усмехнулся.

— Четыре и мазь.

— Договорились.

Я забралась в первую повозку. Внутри пахло мокрой шерстью, старым деревом и людьми, которых жизнь уже успела разочаровать до встречи со мной.

Кроме меня, там ехали седой торговец тканями с двумя сундуками, молодая женщина с ребёнком на руках и мужчина в тёмном плаще, сидевший у дальней стенки. Лицо его скрывал капюшон, а руки — перчатки.

Это само по себе не было преступлением.

Но обычно люди, которым нечего скрывать, не сидят в

полутёмной повозке так неподвижно, будто уже репетируют собственные похороны.

Я заняла место ближе к выходу. Пряник устроился рядом, не сводя глаз с корзинки Веры. Я накрыла корзинку плащом.
— Даже не начинай.

Кот демонстративно отвернулся.

Повозка тронулась.

Тихие Ключи медленно остались за спиной: дым из труб, крыши, знакомая колокольня, луг за рекой. На последнем повороте я увидела бабушку у калитки. Она стояла прямо, маленькая на фоне дома, и смотрела вслед.

Я подняла руку.

Она подняла свою.

Потом дорога свернула, и деревня исчезла.

Я сказала себе, что это ненадолго.

Сказала уверенно.

Почти поверила.

Первые часы пути прошли в тряске, попытках не удариться головой о стенку и вражде с собственным желудком. Торговец тканями храпел с редкими перерывами на жалобы о дорогах. Ребёнок то спал, то просыпался, то смотрел на Пряника с благоговением, как на ожившую сказку.

Пряник терпел первые пятнадцать минут.

Потом ребёнок протянул к нему руку.

Кот зашипел.

Мальчик заревел.

Его мать посмотрела на меня с укором.

— Он не любит детей, — объяснила я.

— Он же кот.

— Именно.

— Но он фамильяр?

Я насторожилась.

Женщина тут же опустила взгляд.

— Простите. Я не хотела...

— Ничего, — сказала я, чуть мягче. — Да. Фамильяр.

Ребёнок вытер нос рукавом и снова посмотрел на Пряника.

— Он умеет говорить?

— Умеет. Но говорит только по делу.

Пряник открыл глаза и недовольно мяукнул.

— Вот видите? — сказала я. — Обычно требует рыбу.

Мальчик хихикнул.

До самого заката дождь окончательно прекратился. Небо прояснилось у горизонта, и между тучами прорезалась полоска жёлтого света. Лужи на дороге заблестели, как осколки стекла.

Мы остановились на постоялом дворе “Седой олень” — невысоком, кривом здании с вывеской, на которой олень действительно выглядел седым и, судя по глазам, давно потерял волю к жизни.

Возница объявил ночлег.

Торговец тканями первым вывалился наружу, потирая по-

ясницу и ругая всё — от колёс до собственной жены, оставшейся в трёх городах отсюда. Женщина с ребёнком ушла к кухне. Мужчина в тёмном плаще выскользнул из повозки так тихо, что я заметила его лишь по колебанию воздуха у двери.

Пряник выгнул спину.

Я погладила его между ушами.

— Не нравится?

Кот тихо заурчал. Недовольно — низко, настороженно.

Мне тоже не нравилось.

Не постоянный двор. Постоялые дворы обычно пахли одинаково: супом, лошадьми, дымом и тайнами, которые люди слишком громко обсуждали после третьей кружки.

Не мужчина в плаще. Подозревать всех подряд было утомительно, а я и без того ехала по вызову коронной службы.

Нет.

Мне не нравилось другое.

Ещё на дороге, за последней рощей, я несколько раз чувствовала взгляд.

Не человеческий — человеческий взгляд ложится на кожу тяжело, почти ощутимо. Этот был иначе: короткое покалывание между лопаток, сухой холодок у основания шеи, чужая магия, едва заметная, как след дыма после костра.

Я пыталась убедить себя, что это остатки тревоги после письма.

Что мне мерещится.

Что дорога просто заставляет ведьму становиться мни-

тельной.

Но, когда я вышла во двор, чтобы набрать воды для Пряника, увидела на грязи у коновязи следы.

Обычные сапожные следы.

И ещё одни.

Узкие, глубокие, с ровным рисунком на подошве. Они шли от леса к дороге, останавливались у того места, где прошёл обоз, а потом снова уходили в сторону деревьев.

Кто-то не ехал вместе с нами.

Кто-то шёл за нами.

Я присела, коснулась отпечатка пальцами и закрыла глаза.

Земля была влажной, прохладной, полной простых, понятных следов: лошади, телеги, сапоги возницы, собачьи лапы, дождевые черви, корни травы.

И под всем этим — тонкая металлическая горечь магии.

Свежая.

Пряник за моей спиной зашипел.

Я резко открыла глаза.

У лесной кромки, между мокрыми стволами, на секунду мелькнула тёмная фигура.

А затем исчезла.

Будто её там никогда не было.

Только амулет под воротом стал горячим.

Глава 3

Эвергейт показался мне на рассвете.

Сначала — тенью на горизонте. Потом тёмной линией стен. Затем башнями, шпилями и мостами, будто какой-то особенно самодовольный великан решил доказать миру, что умеет складывать камни один на другой.

Город стоял на высоком берегу широкой реки. Над водой клубился утренний туман, в котором исчезали баржи и чайки. Каменные стены уходили в обе стороны так далеко, что я не видела концов; над воротами развевались тёмно-синие флаги с золотой короной.

Слишком большой.

Слишком красивый.

Слишком уверенный в том, что я буду ему благодарна за возможность войти.

— Пряник, — сказала я тихо, когда повозка покатилась к воротам. — Если ты вдруг решишь сбежать, выбирай улицу с булочной.

Кот сидел у меня на коленях, хвостом обвивая мои запястья. Обычно он ненавидел тряску и незнакомые запахи. Но сейчас не жаловался, не пытался раскопать сумку и даже не смотрел на корзинку с пирогами, от которых к этому времени остались только крошки и моя глубокая убеждённость, что Вера завернула мне слишком мало еды.

Пряник смотрел на город.

Шерсть на его загривке слегка приподнялась.

— Вот и я о том же, — пробормотала я.

После вчерашнего следа в лесу я почти не спала. На постоялом дворе я поставила вокруг нашей комнаты три простых защитных контура: соль у двери, полынь на подоконнике, нитка с узелками под кроватью. Хозяйка, увидев это, решила, что я боюсь клопов.

Я не стала её разубеждать.

Клопы хотя бы не оставляют магический след в грязи и не исчезают в лесу, когда их замечают.

Тёмный мужчина в плаще утром снова сидел в повозке, но теперь без капюшона. Лицо у него оказалось обычным: бледное, худое, с острым носом и уставшими глазами человека, который слишком много раз проигрывал деньги в карты.

Он не смотрел на меня.

И это было почти обидно.

Я успела назначить его подозрительным, возможно опасным и наверняка связанным с моим письмом из столицы. А он всю дорогу молчал, чесал подбородок и дважды спрашивал возницу, далеко ли ещё.

Скучнейшее поведение для тайного преследователя.

Впрочем, магия на следах была настоящей. Амулет на моей шее до утра не остывал, а Пряник то и дело поднимал голову и прислушивался к чему-то, чего не слышала я.

Сейчас медальон лежал под одеждой спокойно.

Почти.

У ворот собралась очередь: торговые телеги, всадники, пешие путники с корзинами, крестьяне, ведущие коз, и несколько карет с гербами настолько вычурными, что я решила не разглядывать. Люди с такими гербами обычно имели очень мало смысла и очень много денег.

Над аркой ворот висела резная табличка:

ЭВЕРГЕЙТ.

ВЕРНОСТЬ. ПОРЯДОК. ЕДИНЕНИЕ.

Я прочитала и хмыкнула.

— Видишь? — сказала я Прянику. — Если город с порога напоминает тебе о порядке, значит, порядка там нет. Только бумага, печати и люди, которые считают себя важнее остальных.

Пряник тихо мяукнул.

— Нет, “единение” — не про нас. Нас сюда вызвали не обниматься.

Очередь двигалась медленно. У каждого путника проверяли документы, товары, багаж и, кажется, душу. На воротах стояли двое солдат в синих мундирах с золотыми застёжками и трое магов в серых плащах.

Магов я узнала сразу.

Не по одежде — хотя одежда тоже помогала. По манере стоять. Они не просто охраняли ворота; они были уверены, что с их появлением воздух вокруг обязан становиться дисциплинированнее.

У каждого на шее висел тонкий серебряный знак, похожий на раскрытую ладонь. У одного — молодого, светло-волосого, с лицом настолько гладким, что ему хотелось добавить характера хотя бы щепотью перца, — над запястьем медленно вращался голубой магический огонёк.

Огонёк был красивый.

И совершенно бесполезный.

Пока мы стояли в очереди, он успел трижды погаснуть от ветра и дважды вспыхнуть снова с таким видом, будто совершил подвиг.

Перед нами остановили торговца с мешками зерна. Его заставили открыть каждый мешок, проверить дно телеги и ответить на вопрос, не состоит ли он в родстве с людьми, замеченными в колдовстве без разрешения.

Торговец долго думал.

— Моя тётка лечила бородавки, — наконец сказал он.

Стражник записал что-то в книгу.

— Имя тётки?

— Она умерла восемь лет назад.

— Имя.

— Хельга.

— Фамилия?

— Она была тёткой. Какая фамилия?

Стражник посмотрел на него так, будто личное оскорбление уже лежало в мешке с зерном и осталось только найти.

Я решила, что столица действительно не любит людей.

Ведьм — особенно, но вообще никого.

Наконец подошла наша повозка.

Возница представил бумаги, торговец тканями вытащил свои сундуки, женщина с ребёнком прижала сына к себе. Мужчина с острым носом протянул документы первым и исчез за воротами с такой поспешностью, что я почти пожалела: слишком обычный для злодея, но слишком нервный для честного человека.

Потом очередь дошла до меня.

— Имя, — сказал стражник.

Он был широкоплечим, с красным от холода носом и глазами человека, который с детства мечтал о спокойной работе в поле, но по ошибке оказался рядом с книгами учёта.

— Агата Рейвен.

— Цель прибытия?

— Меня пригласили.

— В Эвергейт никто не приезжает по приглашению, — устало сообщил он. — Сюда приезжают по торговле, службе, учёбе, паломничеству, семейному делу или распоряжению короны.

— Тогда распоряжение короны.

— Документ.

Я протянула письмо.

Он взял его двумя пальцами, увидел печать и вдруг выпрямился. Не сильно, но достаточно, чтобы я заметила.

— Ведьма? — спросил он.

— Чудесное наблюдение. Вы развиваете его самостоятельно или прошли специальное обучение?

— Я должен записать вид магии.

— Травничество. Зельеварение. Защитные чары. Небольшие бытовые проклятия только по праздникам.

Он поднял взгляд.

— Последнее не записывать?

— Лучше не надо. Там всё равно мелкий шрифт.

Стражник сжал губы, но смолчал. Передал письмо магу с гладким лицом.

Тот подошёл ко мне не спеша, как будто не проверял документы, а оказывал миру милость своим присутствием.

— Руки, — приказал он.

— Доброе утро и вам.

— Руки.

Я протянула ладони.

Он провёл над ними пальцами. Голубой огонёк с его запястья поднялся, завис над моей кожей и зашипел.

Пряник на моих руках выгнул спину.

— Уберите животное, — сказал маг.

— Это не животное. Это мой фамилляр.

— Уберите фамильяра.

— Он не любит, когда его называют животным.

— Мне всё равно.

— А ему — нет.

Маг посмотрел на кота.

Пряник посмотрел в ответ.

У моего фамильяра был особый взгляд: спокойный, медленный и настолько презрительный, что от него хотелось немедленно проверить, не наступил ли ты на чей-нибудь хвост.

Маг побледнел.

Совсем чуть-чуть.

Я улыбнулась.

— Видите? Договорились.

Проверка продолжилась. Вокруг моих ладоней вспыхнули тонкие голубые нити, одна за другой, словно кто-то плёл сеть. Они скользнули к моим рукам, проверили карманы, попытались дотянуться до амулета на шее — и вдруг резко отпрянули.

Маг нахмурился.

— Что у вас там?

— Сердце.

— Под одеждой.

— А, тогда амулет.

— Покажите.

Я сразу вспомнила бабкины слова: его нельзя показывать никому.

И тут же подумала, что это будет очень неудобно объяснять магу на городских воротах.

— Семейная вещь, — ответила я.

— Покажите.

— Он не опасен.

— Это определяю я.

Пряник заурчал. Низко и нехорошо.

Я медленно вытащила медальон из-под воротника. Тёмный металл на утреннем свете казался почти чёрным. Серебряная ветвь вокруг полумесяца выглядела старой, потёртой, неприметной.

Руны на обратной стороне я предусмотрительно не показала.

Маг наклонился ближе. Его голубой огонёк коснулся амулета — и погас.

Не дрогнул, не ослаб. Просто погас, как свеча под водой. Вокруг нас стало тихо.

Я почувствовала, как на меня смотрят.

Стражник, возница, торговец тканями, женщина с ребёнком. Даже люди из соседней очереди вытянули шеи. В больших городах, наверное, тоже любят чужие неприятности. Просто делают это в одежде подороже.

Маг отступил на шаг.

— Где вы это взяли?

— У бабушки.

— Имя вашей бабушки?

— Аделаида.

— Фамилия?

— Рейвен. Мы родственники, представляете?

Он не оценил.

— Указанный амулет подлежит проверке.

— Нет.

— Госпожа...

— Не госпожа. Агата.

— Агата, — повторил он с такой интонацией, словно пробовал на вкус непривычное лекарство. — Вы прибыли по коронному распоряжению. Вход в город подразумевает досмотр.

— Досмотр подразумевает досмотр вещей. Не семейных реликвий, которые вы не можете даже распознать.

— Именно поэтому их нужно изъять.

Я ощутила, как внутри поднимается злость.

Не яркая и не горячая. Холодная. Чистая.

Такая появляется, когда кто-то пытается взять твоё без спроса и называет это законом.

— Если бы вы умели распознавать магию, — сказала я, — то заметили бы: амулет не атаковал вас. Он просто не захотел с вами разговаривать. Понимаю его.

— Ваше поведение будет внесено в протокол.

— Пожалуйста. Пишите крупно, чтобы я потом могла вставить в рамку.

— Агата, — тихо сказал возница за моей спиной. — Может, не стоит...

Я обернулась.

Он выглядел так, будто уже мысленно объяснял жене, почему не вернулся домой: случайно подвёз ведьму, ведьма

спорила с чиновником, чиновник лопнул.

— Не волнуйтесь, — сказала я. — Я пока никого не прокляла.

— Пока? — переспросил маг.

— Вы же ведёте протокол. Запишите “пока”.

Именно в этот момент к нам подошёл другой маг — старше, выше, с седыми висками и лицом человека, который много лет подряд слышит один и тот же идиотизм и теперь научился жить на чистой ненависти.

Он быстро взглянул на письмо, потом на амулет, потом на моего молодого проверяющего.

— Что происходит?

— Незарегистрированный артефакт, господин Реннер, — отчеканил тот. — Защитный отклик неизвестного происхождения.

Седовласый маг взял письмо.

Его пальцы замерли на печати.

— Ведьма Рейвен вызвана по особому распоряжению, — произнёс он. — Её досмотр ограничивается стандартной проверкой на прямые угрозы короне.

Молодой маг моргнул.

— Но амулет...

— Не угроза.

— Мы не знаем.

— Я знаю.

В его голосе не было громкости. И оттого он звучал страш-

нее.

Молодой маг отступил, стиснул зубы и едва заметным движением вернул свой огонёк на запястье.

— Проходите, — сказал седовласый.

— Спасибо, — ответила я.

— Не благодарите. За городскими воротами вам понадобится больше удачи, чем вежливости.

Это прозвучало не как угроза.

Как предупреждение.

Я спрятала амулет под одежду, прижала Пряника к себе и шагнула под арку.

На мгновение меня окружили холодный камень, запах сырости и магия — ровная, стерильная, чужая. Она дрожала в стенах, в железных решётках, в золотых нитях герба над воротами.

Потом арка осталась позади.

И Эвергейт проглотил меня.

Город встретил шумом.

Колёса стучали по мостовой. Лошади фыркали и тянули телеги. Лавочники выкрикивали цены. Где-то звонил колокол, где-то ругались, где-то смеялись, а над всем этим летели чайки — наглые, белые и, судя по виду, готовые украсть не только булку, но и душу.

Дома поднимались по обе стороны улицы в три, четыре, пять этажей. Каменные фасады были узкими и высокими, с резными балконами, цветными ставнями, вывесками из ме-

талла и стекла. Между крышами тянулись тонкие мостики, на которых сушилось бельё.

В воздухе смешались запахи речной воды, жареного лука, лошадиного навоза, горячего хлеба, духов и дыма. Настолько много запахов сразу, что у меня зачесался нос.

— Это не город, — пробормотала я. — Это котёл, в который кто-то насыпал всё, что нашёл, и забыл помешать.

Пряник тихо мяукнул.

— Нет, не еда.

Он посмотрел на лавку с жареными каштанами.

Я вздохнула.

— Ладно. Может быть, немного еда.

Повозка остановилась на площади, где располагалась почтовая станция. Возница помог торговцу тканями выгрузить сундуки, женщина с ребёнком быстро ушла в сторону ряда дешёвых гостиниц, а мужчина с острым носом исчез в переулке так быстро, будто его ждали.

Я спустилась на мостовую, расправила затёкшие плечи и огляделась.

Где-то в этом городе находилась коронная служба, которая прислала мне письмо.

Где-то — неустановленная ведьма.

Где-то — человек, оставивший магический след у дороги.

И где-то, совсем не исключено, — тёплая кровать, хороший суп и хозяин, который не спросит, почему у моего кота взгляд преступника.

Начать я решила с самого необходимого.

С жилья.

Почтовая станция располагалась в квартале, который выглядел достаточно прилично, чтобы не быть смертельно опасным, и достаточно шумно, чтобы никто не задавался вопросом, почему у женщины с травяной сумкой и котом нет сопровождения.

Я спросила у продавца каштанов, где можно снять комнату.

Он посмотрел на меня, на Пряника, на мои сумки и сказал:

— “У вдовы Греты”, через два переулка. Там чисто, кормят сытно, а если у вас есть деньги — хозяйка даже не спросит, чем вы занимаетесь.

— А если у меня нет денег?

— Тогда спросит.

Это было честно.

Я пошла в указанную сторону.

Переулки Эвергейта были похожи на мысли человека, который пытается вспомнить слишком много сразу: узкие, кривые, перепутанные и наполненные тем, что лучше не трогать руками. Дважды я чуть не столкнулась с носильщиками, один раз меня обругала женщина из окна за то, что я, по её мнению, “слишком громко смотрела”, и ещё один раз Пряник попытался нырнуть в рыбную лавку.

— Нет, — сказала я, перехватывая его за шкурку.

Кот вытянулся в моих руках и изобразил крайнюю степень страдания.

— Там сырая рыба.

Он жалобно мурлыкнул.

— И тухлая.

Мурлыканье стало ещё жалобнее.

— Особенно тухлая? Нет.

Вдова Грета жила в доме с зелёной дверью и вывеской “Комнаты. Ужин. Никаких дуэлей после полуночи”. Последнее правило выглядело многообещающе.

Я постучала.

За дверью послышалось быстрое шарканье, щелчок замка, и на пороге появилась женщина лет пятидесяти, полная, румяная, с серебристыми волосами, собранными в высокий пучок. На ней был передник, посыпанный мукой, а в руках — деревянная ложка, которую она держала так уверенно, словно ложка пережила не одну войну.

Она окинула меня быстрым взглядом.

Сапоги — грязные. Плащ — дорожный. Сумки — тяжёлые. Кот — рыжий. Лицо — усталое и, вероятно, не слишком дружелюбное.

— Комната нужна? — спросила она.

— Нужна.

— На сколько?

— Пока не знаю.

— Это всегда самый дорогой ответ.

— Тогда на неделю.

— Уже лучше. Две серебрушки за ночь с завтраком. Ужин отдельно. Горячая вода — если слуги не забыли нагреть. Кот не ест на столе, не спит на подушках и не оставляет шерсть в супе.

Пряник посмотрел на неё.

Я посмотрела на Пряника.

— Он постарается.

— Врёте, — беззлобно заметила вдова.

— Мы только познакомились, а вы уже так хорошо меня понимаете.

Она усмехнулась.

— Ведьма?

Я насторожилась.

— Почему вы решили?

— Потому что от вас пахнет полынью, дождём и проблемами. А ещё кот у вас смотрит на меня так, будто оценивает, сколько стоит мой дом.

Пряник медленно моргнул.

— Он просто голоден.

— Это, между прочим, не ответ.

— Травница, — сказала я. — Приехала по делу.

— Все так говорят. А потом в подвале заводятся призраки, жильцы пропадают, а у меня в кастрюле плавает жаба.

— Я не работаю с жабами.

— Хорошо. Жабы мне и самой не нравятся.

— Мне тоже. Они слишком много требуют за свою работу. Вдова Грета отступила, пропуская меня внутрь.

— Проходите. Комната на втором этаже, окно во двор. Дверь запирается. Половицы скрипят, но это даже удобно: сразу узнаете, если кто-то попытается войти.

— Прекрасное преимущество.

— Я стараюсь.

Дом внутри оказался чистым и тёплым. Пахло тушёным мясом, хлебом и воском. На стенах висели картины с кораблями, которыми никто никогда не интересовался, а на лестнице стояли горшки с геранью — настолько яркой, что она, вероятно, переживала жильцов.

Грета шла впереди и разговаривала, не делая пауз на вдох.

— Слева у меня живёт писарь, но он тихий, только кашляет по ночам. Справа — две швей, тоже тихие, пока не выпьют. Внизу хозяин лавки с книгами, тот вообще не говорит, потому что потерял голос после неудачной дуэли. Если будете слышать стук после полуночи, не пугайтесь: это крысы. Если услышите стук, а потом мужской голос — будите меня. Если женский — тоже будите. Если голос начнёт петь — сначала будите меня, потом городскую стражу.

— У вас часто такое бывает?

— В Эвергейте? Милочка, я здесь двадцать лет живу. У меня бывает всё.

Комната оказалась небольшой, но приличной: кровать, стол, умывальник, шкаф, крошечкий камин и окно, выхо-

дившее в тесный двор-колодец. На противоположной стене сушилось бельё, а на нижнем этаже кто-то ругался так изобретательно, что я почувствовала уважение.

— Подходит? — спросила Грета.

— Подходит.

— Деньги вперёд.

Я отдала ей четыре серебрушки.

Она пересчитала монеты так внимательно, будто на каждой мог быть написан личный секрет королевы.

— Завтрак с семи. Ужин до девяти. Воду не лейте на угли. Камин не разжигайте, если не умеете. Призывных кругов на полу не чертите.

— Я не черчу призывные круги в гостиницах.

— Все так говорят.

— У вас был печальный опыт?

— У меня был постоялец-некромант. После него я ввела правила.

— Справедливо.

Грета кивнула, но не ушла.

Я чувствовала вопрос, который она сдерживала примерно так же плохо, как Пряник — желание украсть рыбу.

— Что? — спросила я.

— Письмо? — она кивнула на край белой бумаги, который выглядывал из моей сумки. — С коронной печатью?

Я посмотрела на неё.

Она мгновенно подняла ладони.

— Не моё дело. Просто не часто сюда приезжают девушки с таким письмом и лицом, будто они собираются кого-то закопать.

— Я ещё не решила.

Грета хмыкнула.

— Решите — скажите заранее. У меня во дворе земля плохая, каменная.

Она ушла, закрыв за собой дверь.

Я подождала несколько секунд, затем повернула ключ в замке и выдохнула.

Пряник немедленно прыгнул на пол, обошёл комнату по кругу, обнюхал ножку кровати, шкаф, камин и угол у окна. У последнего он задержался.

— Что там?

Кот поднял хвост трубой и принялся скрести половицу.

Я поставила сумки, опустилась на колени и коснулась пола пальцами. Дерево было старым, сухим, пропитанным сотнями шагов. Ничего опасного. Ни проклятий, ни подслушивающих чар, ни чужой магии.

Только один слабый след — защитный знак хозяйки, чтобы жильцы не сжигали дом и не вызывали демонов без предоплаты.

Я усмехнулась.

— Нормально. Для Эвергейта почти роскошно.

Пряник запрыгнул на кровать.

— Только не на подушку.

Он лёг именно на подушку.

— Ты неисправим.

Кот довольно замурлыкал.

Я достала из сумки соль, рассыпала тонкую полоску у двери, спрятала под подоконником сушёную полынь и завязала на ручке шкафа красную нитку с тремя узлами.

Не потому, что боялась.

Потому что бабка бы меня убила, если бы я приехала в столицу с подозрительным письмом, чужим магическим следом и не поставила базовую защиту.

Убила бы не магией.

Руками.

Когда всё было закончено, я села на край кровати и наконец позволила себе устать.

За стенами гудел город. Он был огромным, равнодушным и, кажется, не слишком рад моему присутствию. Я тоже не горела желанием с ним дружить.

Но завтра мне предстояло найти коронную службу, выяснить, кто такая “неустановленная ведьма”, и объяснить незнакомым людям, что я не обязана решать их проблемы только потому, что умею отличить ромашку от ядовитого болиголова.

По крайней мере, меня так вызвали.

Я достала письмо, ещё раз посмотрела на знак внизу.

Серебряный ключ, перечёркнутый молнией.

Тайная служба.

Я не знала этого наверняка, но слово пришло само — как воспоминание, которое долго лежало на дне памяти и вдруг всплыло.

Когда-то, в академии, я слышала шёпот старших учеников. О людях, которые носили ключи без корон, задавали вопросы без ответов и приходили туда, где что-то уже пошло неправильно.

Тайная служба короны.

Прекрасно.

Именно этого мне не хватало для полного счастья: чиновников, магов, проверок и людей, которые называют себя тайными, а потом ставят символ на официальные письма.

— Завтра, — сказала я Прянику. — Завтра пойдём туда, выясним всё и вернёмся домой.

Пряник приоткрыл глаз.

— Да, я знаю. Ты мне не веришь.

Я подошла к окну. Двор внизу уже темнел, в окнах зажигались огни. На улицах за стенами дома шумела вечерняя толпа: кто-то торопился к ужину, кто-то — к неприятностям, а кто-то, возможно, к обоим сразу.

Я заметила движение у арки, ведущей во двор.

Мужчина стоял в тени.

Высокий. В тёмном, хорошо сшитом пальто. Без капюшона — он не прятался, просто оставался там, где свет от фонарей не достигал лица.

Но я всё равно почувствовала, что он смотрит именно на

мои окна.

Меня кольнуло под воротом.

Амулет нагрелся.

Я моргнула.

Мужчина поднял голову, и свет на мгновение скользнул по его лицу: светлые волосы, правильные черты, спокойный, почти вежливый взгляд.

Он улыбнулся.

Не мне.

Скорее чему-то, что уже знал.

А потом развернулся и растворился в толпе за аркой.

Пряник за моей спиной низко зарычал.

Я закрыла ставни.

И впервые подумала, что Эвергейт не просто меня не любит.

Он меня ждал.

Глава 4

Утро в Эвергейте началось с того, что Пряник украл мой завтрак.

Не весь, конечно. Он оставил мне чай.

Вероятно, из жалости.

Я проснулась от тихого шороха, открыла глаза и увидела, как черный хвост исчезает за краем стола. Через секунду раздалось довольное хрустящее чавканье.

— Пряник, — сказала я голосом человека, который ещё верит в мирный исход переговоров.

Чавканье не прекратилось.

— Это был мой хлеб.

Кот высунулся из-за стула. В зубах у него был кусок ветчины, который, по моим расчётам, должен был лежать на тарелке рядом с хлебом.

— А это была моя ветчина.

Пряник сел. Он жевал медленно, с достоинством. В его выражении читалось: "если ты не умеешь охранять еду, это вопрос не моей морали, а твоей компетентности".

Я закрыла глаза.

— Я тебя отдам вдове Грете.

Кот проглотил ветчину.

— Она будет кормить тебя кашей.

Пряник замер.

— Вот именно.

Он поднялся, запрыгнул на кровать и устроился на подушке, повернувшись ко мне спиной.

Я посмотрела на пустую тарелку, на чай, на кота и решила, что в Эвергейте у меня появился первый настоящий враг. Черный, наглый и совершенно безнаказанный.

В дверь постучали.

Я насторожилась. После вчерашнего мужчины во дворе даже безобидный стук казался личным оскорблением.

— Кто?

— Я, — раздался голос вдовы Греты. — И у меня для вас письмо. Не коронное, не магическое и, насколько я знаю, никого не убивает.

— Это звучит подозрительно спокойно.

— Я стараюсь не пугать жильцов до обеда.

Я открыла дверь.

Грета стояла с подносом: чайник, чашка, крошечная вазочка с вареньем и ещё один кусок хлеба — вероятно, компенсация за исчезнувший завтрак. В другой руке она держала плотный кремовый конверт с золотым кантом.

— Принесли рано утром, — сообщила хозяйка. — Молодой мальчишка в ливрее. Спросил, здесь ли проживает “ведьма Агата Аделаида Рейвен”. Я сказала, что проживает, но если он будет так громко произносить слово “ведьма”, то скоро проживать перестанет, потому что соседи начнут падать в обморок.

— И что он сказал?

— Извинился. Вежливый мальчик. Я почти передумала его ругать.

Она протянула мне конверт.

На печати снова был знак ключа, пересечённого молнией.

Только сургуч на этот раз был не чёрным, а тёмно-синим.

Пряник, заметив письмо, перестал делать вид, что спит.

— Спасибо, — сказала я.

— Не за что. Хотя, если после прочтения вы решите что-то поджечь, пожалуйста, выходите во двор. У меня недавно красили лестницу.

— Я постараюсь сохранить вашу лестницу.

— Все так говорят.

Грета ушла.

Я закрыла дверь, вернулась к столу и долго смотрела на конверт. Тот лежал рядом с чайной чашкой, слишком нарядный для хороших новостей.

— Что думаешь? — спросила я Пряника.

Он подошёл, обнюхал сургуч и чихнул.

— Содержательный отзыв.

Я вскрыла письмо ножом.

Бумага пахла чем-то ненавязчиво дорогим: воском, сухими цветами и властью. Человек, который её выбирал, определённо хотел, чтобы даже письма напоминали окружающим, кто в этой комнате имеет право приказывать.

Текст был коротким.

"Ведьме Агате Рейвен надлежит явиться сегодня к третьему часу пополудни в малый зал ратуши Эвергейта для представления лицам, ведущим расследование по коронному делу.

Вход через северную галерею. При себе иметь уведомление о вызове.

Опоздание будет расценено как уклонение от содействия короне."

Внизу — никакой подписи. Только та же печать.

— Какая прелесть, — сказала я. — Меня пригласили на приём.

Пряник запрыгнул на стол и наступил лапой прямо на слово "надлежит".

— Именно, — кивнула я. — Они тоже мне уже не нравятся.

До третьего часа оставалось достаточно времени, чтобы умыться, одеться и десять раз решить, что я никуда не пойду.

На одиннадцатый раз я всё-таки пошла.

Не потому, что мне хотелось увидеть ратушу. И не потому, что меня особенно интересовало расследование. Просто угроза лишить меня права на практику висела над головой крепче, чем плохая погода над Тихими Ключами.

Я выбрала тёмно-зелёное платье — самое приличное из тех, что взяла с собой. Оно не стесняло движения, не требовало корсета и не обещало окружающим, что я готова в любой момент присесть в реверансе и умереть от благодарно-

сти.

Волосы я собрала в косу, оставив несколько прядей у лица. На шею повесила амулет Аделаиды и спрятала его под воротником. В сапог сунула тонкий нож, в рукав — иглу с сонным составом, а в сумку положила маленький мешочек с солью.

На случай если в ратуше окажутся демоны.

Или чиновники.

С чиновниками соль обычно не помогала, но я предпочитала не сдаваться заранее.

Пряник наблюдал за сборами с кровати.

— Ты остаёшься, — сказала я.

Кот тут же спрыгнул на пол.

— Нет.

Он сел у двери.

— Там будет много людей.

Кот не двинулся.

— Много магов.

Пряник моргнул.

— Вероятно, не будет еды.

Он оскорблённо отвернулся.

— Вот и договорились.

Я дошла до двери, открыла её и услышала за спиной лёгкие шаги.

Пряник шёл следом.

— Нет.

Он остановился.

— Ты останешься здесь.

Кот медленно сел.

Я закрыла дверь.

Изнутри раздалось такое страдальческое мяуканье, что в коридоре приоткрылась дверь соседней комнаты.

Писарь — худой мужчина с красными глазами и чернильным пятном на подбородке — посмотрел на меня, потом на дверь.

— У вас там ребёнок? — спросил он.

— Хуже, — ответила я. — Кот.

— Понимаю.

Он кивнул с видом человека, который действительно понимал, и закрылся обратно.

Я спустилась к Грете. Она стояла внизу, командовала служанкой и одновременно пыталась перелить суп из одной кастрюли в другую так, чтобы не обжечься и не потерять достоинство.

— Идёте в ратушу? — спросила она.

— Как видите.

— А кот?

— Сторожит комнату.

Сверху донёсся новый вопль.

Грета прищурилась.

— Он согласен?

— Мы работаем над этим.

Она поставила передо мной маленький свёрток.

— Хлеб с сыром. Съешьте по дороге. В ратуше вас, скорее всего, будут угощать словами, а от них быстро захочется есть.

Я посмотрела на неё.

— Спасибо.

— Не благодарите. Просто не вздумайте возвращаться вечером трупом. У меня ужин в шесть.

— Я ничего не обещаю.

— Вот и я о том же.

Ратуша стояла в центре Эвергейта, на площади, где камень был настолько чистым, что мне захотелось проверить, не моют ли его каждое утро языками специально обученные чиновники.

Здание выглядело так, словно его строили для великанов, а потом решили пустить туда людей. Белый камень, высокие арки, лестницы, колонны, золотые флаги над крышей. На фасаде были вырезаны сцены из истории королевства: коронация, битва, подписание какого-то договора и мужчина с очень героическим подбородком, который, вероятно, спас страну от беды исключительно выражением лица.

У северной галереи стояли двое стражников.

Они проверили письмо, спросили моё имя, записали его в книгу и переглянулись.

Вот именно так — быстро, едва заметно.

Но я увидела.

— У меня на лице грязь? — спросила я.

Один стражник кашлянул.

— Нет, госпожа.

— Тогда почему вы оба смотрите так, словно я пришла с крысой на коронацию?

— Нам приказано сопровождать вас в малый зал.

— Какое облегчение. Я боялась, что вы просто молча оцениваете мой гардероб.

Второй стражник покраснел.

Я решила не добивать.

Пока.

Внутри ратуша оказалась ещё хуже, чем снаружи. Если снаружи она изображала величие, то внутри она им дышала. Полы блестели, стены были увешаны гобеленами, на которых давно умершие люди совершали поступки, требующие много плащей и мало здравого смысла.

Каждый шаг отдавался в коридорах лёгким эхом.

И каждый встречный смотрел на меня.

Не прямо, конечно. Столичные люди слишком хорошо воспитаны, чтобы быть откровенно неприятными. Они смотрели вскользь, с паузой, через плечо, с лёгким поднятием бровей.

Сначала — на платье.

Потом — на сумку с травами.

Потом — на мои волосы.

И в конце обязательно — на лицо, будто искали там при-

знаки того, что я вот-вот превращу колонны в грибы.

Я улыбалась.

Это их нервировало.

— Сюда, — сказал стражник.

Мы прошли по длинной галерее. В конце нас остановил мужчина в тёмно-сером костюме. Он был худой, гладко выбритый и держал в руках папку так бережно, словно там лежало его сердце.

— Ведьма Рейвен? — спросил он.

— Травница Рейвен.

— В письме указано “ведьма”.

— В письме много чего указано. Например, что мне надлежит явиться. Я явилась. Можем не тратить время на очевидное?

Он моргнул.

— Вам следует подождать.

— Это приказ?

— Это... процедура.

— О, процедура. Мой любимый вид издевательства.

Мужчина поджал губы и указал на ряд кресел у стены.

Там уже сидели несколько человек.

Пожилой господин в синем камзоле, с серебряными кольцами на каждом пальце. Две женщины в дорогих платьях, которые тихо переговаривались и замолчали при моём появлении. Молодой маг в официальном сером плаще, уткнувшийся в бумаги. И ещё трое мужчин в мундирах, не корон-

ных и не стражных — без знаков различия, но с одинаковыми внимательными глазами.

Я села в самое дальнее кресло.

Ожидание в коридоре власти — это особый вид наказания. Ничего не происходит, но ты обязан делать вид, будто это важно. Люди проходят мимо с бумагами, шепчутся, кивают друг другу, улыбаются ровно настолько, чтобы не выглядеть слишком дружелюбными.

Через десять минут я поняла, что могу ненавидеть бюрократию даже без помощи магии.

Через пятнадцать — начала изучать гобелен напротив.

На нём была изображена королева в золотой мантии. Она стояла на балконе и благословляла народ. Народ внизу выглядел счастливым, сытым и подозрительно одинаковым.

— Наверное, художник ни разу не был на рынке, — проворковала я.

— Простите? — спросила одна из женщин.

— Ничего. Разговариваю с искусством.

Она отодвинулась.

Я улыбнулась.

Наконец дверь малого зала открылась, и из неё вышел знакомый седовласый маг с городских ворот — господин Реннер. Увидев меня, он чуть заметно нахмурился.

— Агата Рейвен.

— Радует, что здесь хотя бы умеют читать документы.

— Пройдёмте.

Я поднялась.

Стражники остались в коридоре. Реннер пропустил меня внутрь — и я сразу поняла, что слово “малый” в ратуше имеет собственное, очень щедрое значение.

Зал был размером с дом моей бабки, если поставить его на два этажа выше и убрать всё полезное. Высокие окна закрывали тёмно-синие шторы. На стенах горели магические светильники. В центре стоял длинный стол из чёрного дерева, за которым сидели люди.

Семеро.

Нет, восемь — в дальнем конце, немного в стороне, стоял мужчина в чёрном мундире.

Сначала я заметила не лицо.

Мундир.

Он был идеально тёмным, почти чёрным, с узкими серебряными застёжками и высоким воротником. Ни одной лишней складки. Ни одной пылинки. Даже свет от магических ламп, казалось, ложился на ткань ровнее, чем на всё остальное в зале.

Потом я увидела руки.

Длинные пальцы без колец лежали на спинке стула. Спокойно. Неподвижно. Как будто этому человеку не приходилось прикладывать усилий, чтобы удерживать мир в порядке — достаточно было просто смотреть.

И только затем он повернул голову.

Красивым мужчинам многое прощают.

Это я знала по опыту Тихих Ключей, где Прохор мог неделю не возвращать долг мяснику, но стоило ему улыбнуться какой-нибудь вдове, как та уже объясняла всем, что “у человека тяжёлая работа”.

Красивым мужчинам прощают глупость. Самоуверенность. Плохие привычки. Долги. Иногда даже жену.

Но этому мужчине, по-моему, не нужно было ничего прощать.

У него было лицо, на котором красота выглядела опасно: чёткие скулы, тёмные брови, темные волосы, зачёсанные назад без единой выбившейся пряди. Глаза — серо-синие, почти стальные — остановились на мне без любопытства.

Так смотрят не на женщину.

Так смотрят на незнакомый предмет, который нужно оценить, разобрать и убрать в ящик.

Я сразу решила, что он мне не нравится.

Это было приятно. Простые чувства всегда экономят силы.

— Ведьма Рейвен, — произнёс Реннер.

— Травница Рейвен, — поправила я.

Седовласый маг посмотрел на меня устало.

— Мы рады вашему прибытию.

— Я тронута.

Один из мужчин за столом кашлянул.

Реннер продолжил:

— Перед вами представители коронного управления, ма-

гического надзора и городской стражи. Вас вызвали как зарегистрированную практикующую ведьму, обладающую знаниями в области трав, зелий, ведьминских следов и защитной магии.

— Очень приятно узнать, что моя репутация добралась до столицы раньше меня.

— Госпожа Рейвен, — сухо сказал пожилой мужчина в синем камзоле. — Речь идёт о серьёзном расследовании.

— Это я заметила. В серьёзных расследованиях обычно много лиц и мало улыбок.

Две женщины переглянулись.

Я почувствовала на себе взгляд мужчины в чёрном мундире. Он по-прежнему молчал. И почему-то его молчание раздражало сильнее, чем речь любого чиновника.

Пожилой господин перелистнул страницу в папке.

— В течение трёх месяцев в Эвергейте и близлежащих округах зарегистрировано семь случаев незаконного применения магии. Все они имеют общий характер: использование травяных составов, следы обрядовой силы и нарушение установленного порядка регистрации.

— “Нарушение установленного порядка регистрации” звучит так, будто вас больше беспокоит бумага, чем магия.

— Вас не просили комментировать.

— Пока нет. Но вы же вызвали меня как эксперта. Я просто начинаю работать.

Реннер закрыл глаза на секунду.

Я решила, что он не выпался.

— Жертвы? — спросила я уже серьёзное.

Пожилой мужчина посмотрел на меня внимательнее.

— Трое погибших. Двое получили тяжёлые магические ожоги. Ещё двое пропали.

В комнате стало тише.

Я перестала улыбаться.

— Какие составы использовали?

— Мы предоставим образцы.

— Предоставьте сейчас.

— Они находятся в лаборатории магического надзора.

— Значит, вы вызвали меня, чтобы я угадала по лицам?

— Госпожа Рейвен...

— Если вы хотите знать, причастна ли к этому ведьма, мне нужны следы. Пепел, остатки зелий, земля с места, одежда жертв, что-нибудь, кроме вашей уверенности, что ведьма виновата.

Кто-то за столом недовольно зашевелился.

Мужчина в чёрном мундире наконец заговорил.

— Мы не уверены, что виновата ведьма.

Голос у него был низким и ровным. Без злости, без повышенных тонов, без попытки понравиться. Холодный настолько, что, казалось, им можно было резать лёд.

Я посмотрела на него.

— Какая хорошая новость. Тогда, возможно, вы объясните, почему я здесь?

Он слегка наклонил голову.

— Потому что на месте преступлений оставлены следы, которые имитируют ведьминскую работу. Нам нужен человек, способный отличить имитацию от подлинной магии.

— И вам не нашлось никого ближе, чем Тихие Ключи?

— Нашлись. Но вы прибыли.

— Прекрасная логика. Я должна польститься?

— Это не было комплиментом.

— Слава богиням. Я бы не пережила.

В зале кто-то тихо вдохнул.

Реннер посмотрел на мужчину в мундире, но тот не изменился в лице. Только его взгляд стал чуть внимательнее.

— Агата Рейвен, — представилась я, хотя меня уже представляли. — А вы?

Пожилой чиновник заговорил раньше:

— Перед вами господин Кристиан Вальтер, глава Особой коронной службы.

Вот теперь всё встало на свои места.

Тайная служба.

Разумеется.

Человек в чёрном мундире выглядел именно так, как должен выглядеть глава тайной службы: будто знает о тебе всё, включая то, куда ты спрятала нож и сколько раз соврала бабушке в детстве.

Я встретила с ним глазами.

— Так это вы любите посылать письма с угрозами?

— Я предпочитаю формулировку “официальные предписания”.

— В деревнях это называют по-разному. Обычно — неприятностями.

— В деревнях многое называют неправильно.

Я моргнула.

Он сказал это спокойно. Почти лениво.

Но смысл был настолько прост и ядовит, что я даже на мгновение оценила его мастерство.

Почти.

— Конечно, — ответила я. — В столице ведь всё устроено идеально. Особенно очереди у ворот и маги, которые пытаются отобрать у приезжих семейные амулеты.

Реннер кашлянул.

Кристиан бросил на него быстрый взгляд.

— Вам доставили неудобства?

— Я пережила. Но ваш человек был крайне разочарован тем, что мой амулет не захотел с ним дружить.

— Он не мой человек.

— Тогда примите мои соболезнования. Это даже хуже.

Одна из женщин за столом опустила голову, пряча улыбку.

Пожилой чиновник в синем камзоле выглядел так, будто мечтал, чтобы пол разверзся и проглотил меня. Я могла бы помочь, но ратуша была построена на хорошем камне, и мне не хотелось портить чужую собственность до обеда.

Кристиан не улыбнулся.

— Вас вызвали не для оценки работы городской стражи.

— А вас, вероятно, не для оценки деревенских ведьм. Но вот мы оба здесь.

— Мы здесь потому, что в этом деле погибают люди.

Его голос стал тише.

И почему-то я сразу перестала шутить.

В серых глазах не было показной серьёзности. Не было игры в важность. Только усталость — глубокая, аккуратно спрятанная под холодом.

Это сбило меня с мысли.

Всего на секунду.

Я не любила, когда мужчины сбивали меня с мысли. Особенно красивые мужчины в идеально сидящих мундирах, которые смотрят так, будто уже решили, что я ошибка в их расписании дня.

— Тогда дайте мне материалы, — сказала я. — И я скажу, кто это сделал. Или хотя бы как он работал.

Кристиан кивнул.

— Вы получите доступ к части доказательств.

— К части?

— К той, которая нужна для работы.

— А остальная часть слишком сложная для моего деревенского мозга?

В зале стало так тихо, что я услышала, как где-то за стеной капает вода.

Кристиан медленно перевёл взгляд на меня.

— Я не говорил этого.

— Нет. Но подумали.

— Вы умеете читать мысли?

— Нет. Но вы умеете их очень выразительно не прятать.

Он сделал шаг вперёд.

Высокий. Слишком высокий. Когда он оказался ближе, я почувствовала запах — морозный воздух, кожа, немного дыма. Никаких духов. Никакой сладкой парфюмерной глупости.

Это было... раздражающе уместно.

— Я думаю, — сказал он, — что вы не понимаете, во что ввязываетесь.

— А я думаю, что вы не понимаете, с кем разговариваете.

— С ведьмой из Тихих Ключей.

— С мундирным из Эвергейта.

В этот раз никто не кашлянул.

Потому что все, кажется, перестали дышать.

Кристиан чуть приподнял бровь.

— “Мундирным”?

— Вы выглядите как человек, которому выдали форму вместо личности.

Кто-то за столом подавился воздухом.

Реннер прикрыл лицо ладонью.

Я бы почувствовала вину, если бы не заметила: Кристиан едва заметно сжал челюсть. Значит, попала.

— А вы, — сказал он, — выглядите как человек, который считает дерзость заменой компетентности.

— А вы — как человек, который считает холодность заменой ума.

— Не путайте холодность с дисциплиной.

— Не путайте дисциплину с тем, что вас в детстве, вероятно, не обнимали.

Пожилой чиновник в синем камзоле резко поднялся.

— Довольно!

Я повернулась к нему.

— Согласна. У вас есть образцы или мы будем и дальше обсуждать личные трагедии господина Вальтера?

Кристиан посмотрел на чиновника.

Всего один взгляд.

Тот сел обратно.

Я отметила это с некоторым интересом.

Видимо, этот ледяной мундир умел приказывать не только словами.

— Материалы доставят в выделенную вам комнату к вечеру, — произнёс Кристиан. — Завтра вы приступите к осмотру первого места.

— А сегодня?

— Сегодня вы отдыхаете, не покидаете центральные кварталы и не пытаетесь вести самостоятельное расследование.

— Вы так говорите, будто уже знаете, что я попытаюсь.

— Я вижу.

— Что именно?

— Нож в правом сапоге. Игла в рукаве. Соль в сумке. И выражение лица, с которым обычно нарушают прямые распоряжения.

Я застыла.

Он не мог видеть иглу. Рукав был плотный. Нож сидел высоко за голенищем.

Но взгляд Кристиана скользнул по мне спокойно, без триумфа, без насмешки. Просто констатация.

— Это не угроза, — сказала я.

— Я знаю.

— Тогда зачем вы перечислили?

— Чтобы вы поняли: в этом городе вас не считают невидимой.

Что-то в этой фразе неприятно царапнуло.

Не угроза.

Предупреждение.

Как слова седовласого Реннера у ворот.

Я выпрямилась.

— Я и не стремлюсь быть невидимой.

— Это заметно.

Кристиан отвернулся от меня и обратился к Реннеру:

— Проводите госпожу Рейвен. Пусть ей передадут пропуск и правила доступа.

— Правила? — переспросила я.

— Для вашей безопасности.

— И чьего-то спокойствия.

— В первую очередь — для моего.

Я улыбнулась.

— Видите? Мы уже находим точки соприкосновения.

Он не ответил.

Реннер двинулся к двери. Я пошла за ним, но у самого выхода вдруг почувствовала на коже странное, знакомое покалывание.

Амулет Аделаиды под воротником стал тёплым.

Нет.

Горячим.

Я замедлила шаг.

Кристиан стоял у дальнего края стола, разговаривая с одним из офицеров. Его рукав чуть сдвинулся, когда он положил руку на столешницу.

Из-под чёрной манжеты показалась тонкая серебряная цепочка.

На ней висел небольшой предмет — не медальон, скорее плоский осколок тёмного камня в металлической оправе. Камень был чёрным, с бледной серебряной прожилкой, напоминавшей молнию.

И вокруг него — знакомый узор.

Ветка с тремя шипами.

Полумесяц.

Не такой, как на моём амулете.

Похожий.

Слишком похожий, чтобы быть случайностью.

Мир вокруг будто слегка качнулся.

Я остановилась.

Кристиан заметил мой взгляд почти сразу. Его пальцы сомкнулись вокруг амулета, скрывая его в ладони.

— Что-то не так? — спросил он.

Голос снова был холодным.

Но теперь я слышала в нём нечто ещё.

Настороженность.

Я подняла глаза.

— Откуда у вас это?

Он не посмотрел на свою руку.

— Личная вещь.

— Удивительно. Я как раз хотела сказать то же самое.

В его взгляде мелькнуло что-то острое.

— Вам пора.

— Да, — согласилась я. — Пора.

Я вышла из малого зала, чувствуя, как амулет под одеждой обжигает кожу.

В коридоре Реннер что-то говорил о пропусках, расписании и необходимости явиться завтра к восьми. Я кивала, но почти не слышала.

Перед глазами стоял тёмный камень на цепочке Кристиана.

Серебряная молния.

Шипы.

Полумесяц.

Бабка сказала: "не показывай никому. Не отдавай. Не снимай без крайней нужды."

Она не сказала, что такой амулет может носить глава тайной службы.

И уж точно не сказала, что человек, который смотрит на тебя как на досадную помеху, может оказаться связан с твоими семейными тайнами.

Когда я вернулась к "Вдове Грете", Пряник встретил меня у двери комнаты так, словно я отсутствовала год, пережила войну и вернулась без рыбы.

— Не начинай, — сказала я, закрывая за собой дверь.

Кот ткнулся лбом в мою голень.

Я опустила на корточки и почесала его за ухом.

— У нас проблема.

Пряник мяукнул.

— Да. Я тоже думаю, что Кристиан Вальтер — проблема.

Кот посмотрел на меня внимательно.

— Нет, не потому, что он хам.

Пряник наклонил голову.

Я взяла амулет Аделаиды в ладонь. Он всё ещё был тёплым.

— Потому что у него есть вещь, похожая на эту.

Кот перестал мурлыкать.

За окном Эвергейт шумел, скрипел колёсами, звенел колоколами и жил своей большой столичной жизнью.

А я стояла посреди маленькой комнаты, держала в руке старый ведьминский амулет и думала только об одном: случайностей не бывает.

Бывают люди, которым очень выгодно назвать их случайностями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.